

НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: НА ПУТИ К «СВЕРХНОВОЙ»

Г. Б. КЛЕЙНЕР

Центральный экономико-математический институт РАН

Своеобразный юбилей — три десятилетия, прошедшие с момента оформления «новой институциональной экономической теории» (НИЭТ) в качестве самостоятельного направления исследований (термин был впервые введен О. Уильямсоном в 1975 г. [Williamson, 1975]), — прекрасный повод «остановиться, оглянуться», подвести промежуточные итоги, наметить пути дальнейшего развития одного из наиболее динамично развивающихся направлений экономической науки. Выход блестящего, на мой взгляд, русского перевода известной книги Э. Г. Фуруботна и Р. Рихтера «Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории» под редакцией В. С. Катякало и Н. П. Дроздовой [Фуруботн, Рихтер, 2005], содержательный доклад Р. Рихтера «Новая экономическая теория: ее начало, значение, перспективы» [Richter, 2005] предоставляют дополнительные стимулы для попытки осмысления роли и этого направления в ряду парадигм современной экономической теории.

ПРОЛЕГОМЕНЫ

В чем состоял новый шаг НИЭТ по сравнению с неоклассическим направлением, практически безраздельно господствовавшим в западной экономической науке в течение двух третей XX в.?

Следуя за Э. Г. Фуруботном и Р. Рихтером и несколько агрегируя предложенный ими перечень основополагающих концепций НИЭТ [Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 2–11], сформулируем базисные послышки НИЭТ в виде перечня из четырех пунктов: двух «новаций» — положений, введенных или существенно развитых в новой институциональной экономической теории, и двух «консерваций» — положений, заимствованных из других теорий.

1. Признание институтов в качестве самостоятельных социально-экономических сущностей и «легитимных объектов экономического анализа» [Richter, 2005], значимым образом влияющих на поведение экономических субъектов.

Образно говоря, роль институтов можно уподобить железнодорожным рельсам,

обеспечивающим снижение неопределенности движения состава за счет регулирования сил трения: усиления «полезного» трения, не дающего составу сойти с рельсов, и ослабления «вредного» трения, замедляющего качение колес. Как известно, метафорическое понятие трения как издержек, связанных с реализацией тех или иных экономических намерений, в частности с реализацией трансакций, в экономическую науку вошло именно через НИЭТ.

2. Признание ограниченной рациональности поведения субъектов в качестве характеристики базовой ситуации принятия решений.

Снова образно выражаясь, можно сказать, что агенты были мысленно выпущены на свободу из «железной клетки» совершенной рациональности (выражение М. Вебера).

3. Признание максимизирующего поведения в качестве принципа, определяющего действия агентов.

Ограниченная рациональность отнюдь не отменяет принципа максимизирующего поведения; она лишь обрывает процесс максимизирующего отбора альтернатив на шаге, обеспечивающем достаточный уровень критериального удовлетворения агента своим выбором.

4. Признание принципа методологического индивидуализма, согласно которому «исходной посылкой и основой объяснения в теории социальных процессов должны стать взгляды и поведение отдельных членов общества (т. е. индивидов. — Г. К.)... Организация или коллектив per se больше не являются центром внимания» [Фуруботн, Рихтер, 2005, с. 3].

На наш взгляд, в течение прошедшего периода эти четыре положения сыграли важную роль в становлении, идентификации и автономизации НИЭТ, однако сейчас, при переходе к этапу зрелости, они должны быть существенным образом модифицированы. А именно: 1) институты, оставаясь объектами самостоятельного

анализа, должны быть инкорпорированы в страновую социально-экономическую систему в качестве *эволюционирующих и эндогенных* сущностей. Необходимо определить более точно взаимоотношения между агентами, их группами и институтами в кратко-, средне- и долгосрочных периодах; 2) ограниченная рациональность также должна быть более точно специфицирована и включена как *эндогенное* явление в систему принятия решений индивидами; 3) принцип максимизирующего поведения, критикуемый многими экономистами (см., напр.: [Ходжсон, 2003; Нельсон, Уинтер, 2000]), ограничивает возможности реалистического описания деятельности агентов и должен быть исключен во всех случаях, где это возможно. Место принципа максимизирующего поведения должны занять принципы «*институционального поведения*», т. е. поведения, индуцируемого институциональной принадлежностью агента, и принципы «*эволюционного поведения*», поведения, определяемого инерцией, привычкой, традицией; 4) принцип методологического индивидуализма превращает общество в «плоскую» одноуровневую систему, не отражает системных свойств экономики и социума и также должен быть модифицирован с учетом *многоуровневости* общества и экономики.

Таким образом, исходные посылки НИЭТ на новом этапе развития необходимо подвергнуть ревизии: положения, бывшие новаторскими на старте, — «законсервированы», т. е. оставлены в прошлом, а изначально консервативные — обновлены. Если не сделать этого, то внутренние трения теории, а также трения с реальностью способны затормозить дальнейшее поступательное развитие теории.

Представляется, что дальнейшее развитие НИЭТ должно идти одновременно по четырем направлениям, которые можно сформулировать следующим образом:

- «в поисках разнообразия»;
- «в поисках полноты»;

- «в поисках синтеза»;
- «в поисках идентичности».

Реализация данной исследовательской программы, содержание которой в общих чертах описывается ниже, позволила бы, отказавшись от ограничивающих развитие перечисленных выше исходных положений НИЭТ, обеспечить новой институциональной экономической теории очередной виток развития.

Прежде чем переходить к последовательному рассмотрению указанных направлений, отметим, что *полнота* теории в определенном смысле противопоставит *разнообразию* ее предметной сферы и дополняет его, в то время как *синтез* противопоставит обособлению и *идентификации* отдельных элементов теории. Поэтому символически взаимоотношение между указанными направлениями развития НИЭТ можно изобразить в виде двух континуумов, образующих своеобразный крест (рис. 1).

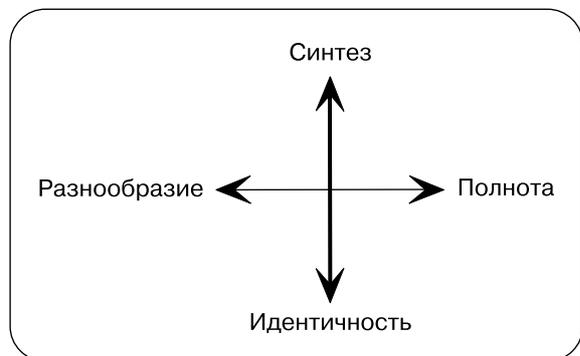

Рис. 1. Основные направления развития НИЭТ

Остановимся на каждом из этих направлений более подробно.

В ПОИСКАХ РАЗНООБРАЗИЯ

Математический фольклор сохранил яркий рассказ об одной из лекций знаменитого русского математика П. Л. Чебышева, среди прочего уделявшего внимание и прикладным вопросам математики, в том

числе — оптимальному раскрою ткани для шитья одежды. Лекция была начата словами: «Предположим, что человек имеет форму шара...». Исходя из этого, мягко говоря, «упрощающего» предположения, и проводились далее математические (нетривиальные!) выкладки.

Так вот: неформально говоря, в неоклассической теории все агенты также имеют «форму шара». Это обусловлено тем, что они максимизируют прибыль или иной единый критериальный показатель и отличаются фактически только «размерами» — параметрами. По сути, мир неоклассики представляет собой линейный мир подобных между собой стандартизированных сущностей. (Интересно, что процесс неоклассической максимизации также тесно связан с образом шара: отыскание минимума нелинейной функции, скажем, функции затрат, часто представляется в виде качения тяжелого шарика под действием силы тяготения по поверхности в направлении локального минимума.) На самом деле мир реальных агентов бесконечно разнообразен, а интересы агентов, во-первых, несводимы к какому бы то ни было единому показателю и, во-вторых, не являются единственным фактором, объясняющим их поведение.

Отказ от неоклассического субъектного однообразия в пользу концепции разнообразия субъектов позволил бы не только расширить систему факторов поведения субъектов, но и преодолеть своеобразную ограниченность принципа ограниченной рациональности. Признание нерациональности поведения в виде ограниченной рациональности — лишь первый шаг, за которым должна последовать классификация видов и последствий иррациональности. В [Клейнер, 2004] был сформулирован принцип *органической иррациональности*, представляющий систематизацию вариантов отклонения от рациональности вследствие органически присущих данному субъекту личностных качеств. В зависимости от этих особенностей ситуация

и ее отдельные фрагменты воспринимаются субъектом под тем или иным ракурсом, в той или иной фокусировке, с теми или иными искажениями. Индивидуальная «оптика» и индивидуальная оценка ситуации могут относиться и к восприятию предметного поля выбора решений, и к их сравнению, и к формированию индивидуальных предпочтений, и к процедуре выбора окончательного варианта. Нарушение рациональности выбора конкретным субъектом может быть связано с:

1) недостатком у него информационных и иных *ресурсов* для проведения всех или некоторых этапов процесса выбора;

2) некорректной или неэффективной *технологией* анализа и сравнения вариантов и поиска наилучшего (в том числе — с использованием неадекватной или субъективной информации, а также субъективного оценивания и интерпретации информации);

3) сознательным *нежеланием* в полном объеме осуществлять все необходимые для формирования и решения задачи выбора действия;

4) неосознаваемыми психологическими *антипатиями* к определенному роду мыслительной, аналитической или волевой деятельности, необходимой для прохождения этапов принятия решения.

Некоторые из субъективных психологических особенностей, влияющих на мотивацию агента, в зависимости от степени проявления и устойчивости могут быть отнесены к невротическим или психопатическим состояниям (страхам, фобиям): «антипатия к целеполаганию»; «антипатия к ранжированию или рейтингованию»; «антипатия к пограничным или рискованным ситуациям» и т. п. (см.: [Клейнер, 2004]). В общем случае «психологический портрет» агента определяет характер свойственной его поведению иррациональности. Для каждого такого типа агентов должен быть разработан свой вариант теории поведения. В рамках НИЭТ необходимо реализовать

призыв П. Дракера к предельной индивидуализации теории фирмы: построению индивидуальных теорий конкретной фирмы (бизнеса) [Друкер, 2002].

Особую роль проявления нерационального поведения играют в отечественной экономике, где издержки рационального и последовательного поведения, по-видимому, слишком высоки. Можно заметить, что в русской литературе рациональный индивид никогда не был положительным героем. В романах Ф. М. Достоевского практически нет ни одного рационального персонажа, и в конечном итоге самым рациональным оказывается «идиот» — князь Мышкин.

Наряду с многообразием психологических особенностей агентов следует принимать во внимание структурное разнообразие самих агентов. Устойчивые группы людей, такие как коллективы предприятий, семьи, профессиональные сообщества, также проявляют самостоятельную активность, не разложимую, как правило, без остатка на активности отдельных членов. Общество представляет собой полиструктурную полиархическую инерционную систему, динамика которой весьма существенно зависит от взаимодействия подсистем различных уровней и межуровневых связей. Поэтому предметом экономического анализа в «сверхновой» институциональной экономической теории должны стать не только агенты и институты, но и другие общественные подсистемы. Отметим в этой связи важность опоры на системную парадигму в экономических исследованиях, выдвинутую и сформулированную Я. Корнаи ([Корнаи, 2002]; о применении этой парадигмы на микроуровне см.: [Клейнер, 2002]). Отказ от принципа методологического индивидуализма не требует, как это иногда представляется, перехода к принципу холизма (см.: [Richter, 2005]), что фактически, как и в случае с методологическим индивидуализмом, делает общество «плоским» пространством. Предпочтения индивидов

представляют собой сложную амальгаму предпочтений, индуцируемых различными уровнями и фрагментами общества и экономики. При этом соотношение составляющих частей непостоянно и зависит от позиционирования субъекта и влияния на него со стороны разных институтов и объемлющих систем.

Новейшая институциональная экономическая теория должна в максимально возможной степени стремиться к отражению разнообразия субъектного и поведенческого разнообразия агентов.

В ПОИСКАХ ПОЛНОТЫ

Движение к разнообразию ставит перед любой теорией серьезные проблемы в области ее законченности и полноты. Обнаружение новых типов объектов исследования способно нарушить уже сложившуюся структуру теории. Фактически создание институциональной теории (и «старом», и в «новом» ее воплощении) было ответом на осознание значимости института как нового важного для исследования типа объекта. Необходимы специальные исследования, направленные на поиск и определение объективных *границ разнообразия* изучаемых предметных сущностей. Один из возможных подходов к такого рода исследованиям приведен ниже.

Как известно, в микроэкономической части неоклассической теории основным предметом исследования являются самостоятельные агенты (*предприятия*), преследующие максимизирующие цели. В макроэкономической части основной предмет — это *процессы* экономического роста, инфляции, динамики занятости и безработицы и т. п. В институциональной теории к ним добавился третий тип — *институты*.

Какие еще, кроме этих трех видов сущностей, могут и должны стать в один ряд и по общности с перечисленными объектами исследований в экономической тео-

рии? Можем ли мы ожидать в будущем появления столь же мощного направления в экономической теории, каким стал институционализм? Любой ответ на заданные вопросы может быть лишь сугубо предположительным, а если оставаться только в рамках экономической теории, то и сама их постановка может вызвать возражения. Однако есть возможность попытаться дать ответ по аналогии, опираясь на те сферы знания, где полнота является по существу имманентной характеристикой. К таким сферам относится древнегреческое философское учение о первоосновах материального мира.

Согласно этому учению, реальный мир состоит из четырех базовых «стихий», или первоэлементов мироздания: земли, воды, воздуха и огня. Все остальные сущности возникают как комбинации этих первичных. Здесь полнота лежит в самой основе теории. Теперь если бы удалось установить соответствие между «первичными» структурами реального мира (в философском видении) и «экономического мира» (в видении экономической теории), то с его помощью можно было бы попытаться сформировать полный, условно говоря, перечень «экономических первоэлементов».

Такое соответствие действительно существует. Три указанных выше объекта экономической теории — предприятия, процессы, институты — имеют признаки, отвечающие характеристикам трех первоэлементов — земли, воды и воздуха. Действительно, предприятию (в более общем случае — экономическому объекту), так же, как и людям, принадлежащим к стихии земли, присущи такие качества, как стабильность, консерватизм, ориентация на практические результаты. Основное действие — «рождать, производить». Предприятие как устойчивое, базисное образование, на систематической основе производящее все новые экземпляры продукции, напоминает землю, обладающую сходными свойствами.

Процессы (например, процессы распространения инноваций, научно-технического прогресса, инфляции и т. д.) напоминают стихию воды. Им присущи такие характеристики, как преобразование, трансформация, адаптация, распространение. Действия — «протекать» (обратим внимание на однокоренной глагол «течь», относящийся, как правило, к жидкостям), «распространяться».

Институты обладают характеристиками, сходными с качествами людей, родившихся под знаками воздушной стихии: они реализуют связи, контакты, совместные действия людей, взаимосвязь между формами и явлениями. Подобно воздуху, институт, как правило, невидим, пока он присутствует, и становится заметным при его отсутствии. Действия — «укореняться», «облегчать взаимодействие» (агентов).

Что же в экономической сфере соответствует огню как четвертому первоэлементу материального мира? Наиболее естественным соответствующим элементом в ряду «предприятия, процессы, институты» представляются «события» — существенные и происходящие за относительно короткое время изменения ситуации в социально-экономической сфере. В [Рюэгг-Штюрм, 1998] показана роль событий в деятельности предприятий, развитии инновационных процессов. В [Клейнер, 2004] события рассматривались как один из основных элементов функционирования предприятия и были включены в качестве динамизирующего элемента в системно-интеграционную теорию фирмы. Внутренняя структура событий, имеющих существенное значение для того или иного объекта, оказывается сходной со структурой самого объекта, что, собственно говоря, и служит предпосылкой для резонанса, порой сотрясающего объект. «События» напоминают огонь по изменчивости, краткосрочности, сильнейшему влиянию на окружающий мир. В качестве первичного события рассматривается сотворение мира, а финального — уничто-

жение какого-либо объекта. Часто это связывается с преданием огню тела или строений. Импульсивность, свойственная людям, относящимся к стихии огня, тесно связана с «событийным» и непредсказуемым характером их поведения. Действия — «происходить», «наступать».

Таким образом, «полный» список базисных экономических сущностей «верхнего» уровня включает в себя предприятия (шире — организации), процессы, институты, события. Задача дальнейшего продвижения институциональной экономической теории — детализация этого перечня, определение возможных «алгебраических операций» между его элементами, т. е. способов их комбинирования, а также исследование возникающих при этом сущностей.

В ПОИСКАХ СИНТЕЗА

Изучение дифференциации и взаимодействия столь разнокачественных сущностей, как агенты, процессы, институты и события, естественно подводит и к проблеме их синтеза. Фрагментация общественного знания как в целом, так и в рамках институционального направления, а также желательность синтеза неоднократно отмечались в литературе (см., напр.: [Блауг, 2004; Ананьин, 2005]). Этот синтез имеет целый ряд направлений, в качестве первого из которых следует отметить синтез социального и экономического аспектов.

Практически каждый из известных институтов напоминает двуликого Януса, поскольку имеет два лица: социальное и экономическое. «Социальное лицо» института определяет его воздействие на индивидов, их группы, общество в целом, «экономическое лицо» — влияние на экономику. Эта двуликость характеризуется и целевым аспектом: институт может отражать либо интересы социума, либо интересы экономики. Так, институт принятия решений на собраниях акционеров

в акционерных обществах по принципу «1 акция — 1 голос» «работает» на интересы экономики, в то время как применяемый в кооперативах принцип «1 человек — 1 голос» носит социальный характер, отражая в большей степени интересы труда, чем интересы капитала.

С противоречивостью социальных и экономических интересов сталкивается и макроэкономическое, и микроэкономическое управление. Вместе с тем социальные и экономические аспекты институтов должны быть объединены в единое целое. Хорошей иллюстрацией взаимоотношений между социальным и экономическим аспектами может служить так называемый лист Мёбиуса — скрученная и склеенная в кольцо лента. Несмотря на видимое наличие у этой ленты, как и у любой другой поверхности, двух сторон, на самом деле она, как известно, имеет только одну сторону, и, двигаясь по ленте, можно, не пересекая боковых краев ленты, перейти с одной ее видимой стороны на другую. Точно так же социальные и экономические аспекты функционирования любого экономического объекта — от страны до предприятия — образуют единое социально-экономическое целое. Решение задачи социально-экономического синтеза в рамках институционального подхода несет в себе колоссальный потенциал повышения эффективности экономики и общества и вполне может быть уподоблено решению задачи термоядерного синтеза. Отметим, что и ограниченность принципа методологического индивидуализма также должна быть преодолена за счет достижения социально-экономического синтеза и применения системного многоуровневого подхода к экономике и обществу.

Задача социально-экономического синтеза в разных разделах экономической теории имеет множество аспектов, в числе которых надо отметить проблему построения единой теории фирмы, объединяющей известные на сегодня варианты теории (включая теории, учитывающие ментальные, культурные, институциональ-

ные, когнитивные, технологические и другие факторы). Экономика как сфера в онтологическом пространстве напоминает лист бумаги (гиперплоскость) — широкий, длинный и тонкий, он пронизывает все пространство, все сферы жизни, однако практически каждый раз, когда, находясь на нем, мы ставим сколько-нибудь серьезные экономические проблемы, мы тут же «проваливаемся» в другие сферы: культурные, инженерные, социальные, антропологические, биологические и т. п., где, собственно говоря, и отыскиваются ключевые составляющие ответов на поставленные вопросы.

При этом, по нашему мнению, синтез в полной мере может быть достигнут при условии, что все смежные сферы: ментальная, культурная, институциональная и т. д. — будут структурированы и исследованы на базе единых принципов. Попытка такого рода предпринята при исследовании общих черт внутрифирменного «пространства корпоративных знаний» и «пространства корпоративных институтов» (см.: [Клейнер, 2004]). Подобно тому как институты организуют поведение агентов и снижают неопределенности в их поведении, знания организуют данные и снижают неопределенность в представлении агентов об окружающем мире. Формирование новых институтов в результате обобщения и агрегирования отдельных поведенческих актов агентов из имеющихся институтов и норм путем их комбинирования и адаптации к существующим культурным условиям аналогично формированию знаний в результате обобщения и агрегирования результатов отдельных познавательных актов агентов из имеющихся знаний и данных путем их комбинирования и адаптации к культурным условиям с последующей экспертизой профессионального сообщества. Если подобный параллелизм удастся усмотреть и в отношении ментальной и культурной подсистем, то появится возможность для определения тех «молекул», из которых состоят предприятия, институты,

процессы и события. Рассмотрение предприятия как соединения ментальной, культурной, институциональной, когнитивной, технологической, имитационной и исторической подсистем должно быть дополнено его рассмотрением как соединения цепочек представителей каждой из указанных подсистем.

Исследование возможностей переноса институтов из одной культурной среды в другую выдвигает проблему минимального набора трансплантатов, которые должны сопровождать переносимый институт для того, чтобы он в более или менее идентичном виде укоренился в новой среде. Иными словами, возникает вопрос о минимальной «оболочке», обеспечивающей жизнедеятельность и сохранение института. Ответ на него также дается в терминах синтеза институционального, культурного, когнитивного и иных подходов к описанию социально-экономической действительности.

Как часть проблемы синтеза можно рассматривать и развитие исследований взаимодействия агентов и институтов. Появление термина «*homo institutus*» для обозначения типа агента, с одной стороны, чувствительного к институциональным изменениям, а с другой — служащего их провайдером, свидетельствует о росте внимания исследователей к взаимоотношениям «агент — институт» (см.: [Иншаков, 2005]). Подобным образом требуют дальнейшего исследования и взаимоотношения в парах «институт — процесс» и «событие — институт», соответствующих тройках и в полной системе «агенты — институты — процессы — события».

Таким образом, мы отметили два направления желательного синтеза — синтез социальных и экономических теорий и синтез социальных и экономических аспектов реальности.

Синтез институтов во временном аспекте ставит задачу «эндогенизации» институтов, рассмотрения их как переменных, хотя и медленно меняющихся составляющих общественных систем.

Следует сказать, что возможность достижения искомого синтеза не является очевидной. Так, по мнению Р. Коуза, в новой экономической теории «существует ряд обособленных линий, которые не соединены и... на данный момент не должны быть соединены, так как наших знаний недостаточно, чтобы это сделать» [Интервью..., 1997]. Вместе с тем дефрагментация пространства экономических знаний в рамках диверсификации объектов исследования и последующий синтез остаются, на наш взгляд, уникальной миссией развития институционального направления экономической теории.

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Задачи синтеза и сохранения идентичности являются дополнительными. Идентичность институтов, а также институциональных систем должна поддерживаться системой формальных идентификаторов и содержательных инвариантов института, которые сохраняются на протяжении всего жизненного цикла института и отличаются последний от других. К сожалению, ни в старой институциональной теории, которая, по мнению Р. Коуза, была сосредоточена больше на описании институтов, чем на их анализе, ни в новой институциональной теории не разработана общепризнанная система характеристик института, которая была бы и системой инвариантов, и своеобразным паспортом института. Это затрудняет как эмпирические исследования, так и теоретический анализ.

Проблема идентичности институтов имеет не только теоретический, но и практический интерес. В ходе трансплантации институтов, как это убедительно показал В. М. Полтерович [Полтерович, 2001], часто возникают эффекты мутации и перерождения институтов. В качестве примера можно привести институт банкротства, полностью утративший в про-

цессе трансплантации свои свойства естественного оптимизатора состава рыночных агентов и превратившийся в инструмент рейдерства. Механизмы поддержки института, которые многие исследователи включают в само его определение, не только должны обеспечивать привлечение «под знамена» данного института как можно большего числа агентов с помощью стимулов или санкций, но и способствовать идентичности самого института. Как достичь идентичности институтов в ходе их переноса из одной среды в другую (в рамках одной страны или в международном обмене институтами) и в ходе эволюции института? Эта тема должна занять важное место в развитии НИЭТ.

Одним из подходов к обеспечению идентичности институтов должно стать отношение их к тому или иному уровню экономики. В зависимости от места, занимаемого в экономике контингентом агентов, на которых распространяется данный институт, целесообразно выделять глобальные, макро-, мезо-, микро- и наноинституты (последние носят индивидуальный характер и распространяются на одного человека). В этом смысле их структура должна быть изоморфна структуре экономики в целом.

В завершение краткого изложения основных путей развития НИЭТ отметим, что развитие новой институциональной экономики как теоретического направления и прикладной дисциплины должно осуществляться по всем четырем

направлениям (рис. 1). Хотелось бы выразить солидарность с мнением Дж. Дози и С. Уинтера о том, что в основе этого движения должен лежать пересмотр позиций теории в отношении поведения агентов. «Задача, стоящая перед нами... включает добросовестную переоценку микроснований, описывающих, что именно субъекты делают, как они обучаются и взаимодействуют и как все это вписывается в институциональные структуры и „способы мышления“, формирующие в каждый момент времени множество достижимых миров» [Dosi, Winter, 2003].

Время, прошедшее с момента формирования новой институциональной теории, и успехи, достигнутые ею, позволяют, как представляется, отказаться от термина «новая» в ее наименовании. Возможно, что промежуточным этапом станет создание «сверхновой» институциональной экономической теории, менее, чем НИЭТ, связанной с неоклассикой. Однако наибольший эффект можно ожидать от следующего этапа, когда разделение «старой» и «новой» институциональной теории станет достоянием истории развития экономической мысли. Сплав «старого», «нового» и «сверхнового» институционализма должен стать основой единой институциональной теории. Тогда и будет реализовано предначертание Р. Коуза: «Новая институциональная экономика — это экономическая теория. Это то, чем обязана быть институциональная теория» [Интервью..., 1997].

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О. И. 2005. *Структура экономико-теоретического знания*. М.: Наука.
- Блауг М. 2004. *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики».
- Друкер П. 2002. Теория бизнеса. *Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия Менеджмент* (4): 60–75.

- Интервью с Рональдом Коузом на учредительной конференции Международного общества новой институциональной экономики в Сент-Луисе, 17 сентября 1997 г. <http://www.isnie.org>
- Иншаков О. В. (ред.) 2005. *Homo institutus — человек институциональный*. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

- Клейнер Г. Б. 2002. Системная парадигма и теория предприятия. *Вопросы экономики* (10): 47–69.
- Клейнер Г. Б. 2004. *Эволюция институциональных систем*. М.: Наука.
- Нельсон Р., Уинтер С. 2000. *Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Финстатинформ.
- Полтерович В. М. 2001. Трансплантация институтов. *Экономическая наука современной России* (3): 24–50.
- Рюэгг-Штюром Й. 1998. Новая системная теория и внутрифирменные изменения. *Проблемы теории и практики управления* (5): 14–18.
- Фуруботн Э. Г., Рихтер Р. 2005. *Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории*. СПб.: Издат. Дом С.-Петербург. гос. ун-та.
- Ходжсон Дж. 2003. *Экономическая теория и институты*. М.: Дело.
- Dosi G., Winter S. 2003. *Interpreting Economic Change: Evolution, Structures and Games*. Economic Transformation and Evolutionary Theory of J. Schumpeter. The 5th International Symposium on Evolutionary Economics. Pushchino, Russia, September 25–27.
- Richter R. 2005. The new institutional economics — its start, its meaning, its prospects. *European Business Organization Law Review* 6 (2): 161–200.
- Williamson O. 1975. *Market and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. Free Press: N. Y.

Статья поступила в редакцию
2 ноября 2005 г.